

СВІТОВИЙ КОНТЕКСТ

УДК 811.512.162Т

ИСМАИЛОВА Матанат
Институт Фольклора НАН
Азербайджана
e-mail: sevinc.n@mail.ru

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКОГО ЛОКУСА В САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕТОПИСЕЙ «ГАРАБАГНАМЭ»)

Статья посвящена поселенческому архетипу и сакральному пространству на материале «Гарабахнамэ», которое является набором хроник, ориентированных на истории Карабахского ханства. «Карабах» считается ценным источником истории Азербайджана в XVIII – XIX веках. Хроники влияют на восточные поэтические традиции и интерпретацию эпического мышления.

В эпических текстах организация пространства и, в частности, поселение, в котором развивается действие, очень интересны для изучения фольклора. Это объясняется прежде всего тем, что пространство обеспечивает целостное восприятие образа и создает композицию эпического текста.

Ключевые слова: летопись, сакральность, хронотоп, мифологическое сознание, эпический поселенческий архетип, восточная поэтика.

Постановка вопроса. В хрониках, вошедших в азербайджанскую историографию XIX века под названием «Гарабахнамэ», особого внимания заслуживает организация пространства, и, в частности, поселения, в рамках которого развиваются основные исторические действия в летописном тексте. Объясняется это, в первую очередь, тем, что художественное пространство обеспечивает целостное восприятие образа и формирует композицию летописного текста. Шуша как поселенческий локус выступает единицей нового социального пространства. Однако типологическое изучение одной из основополагающих категорий пространств, поселенческого локуса, в азербайджанском эпосе о Кёроглу и летописях по истории Гарабага позволит обнаружить наличие общего и частного в мифологических картинах мира.

Анализ последних исследований и публикаций. Термин «хронотоп» впервые был введен А. А. Ухтомским. Данный термин рассматривался им в контексте закономерностей его функционирования. В дальнейшем М. М. Бахтин разработал данный термин в гуманитарной сфере, в контексте литературы (М. Бахтин. *Формы времени и хронотопа* в романе очерки по исторической поэтике. *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет.* Москва: Худож. лит., 1975. 504 с.). По мнению М. Бахтина, хронотоп – это формально-содержательная категория, имеющая существенное жанровое значение в литературе. М. Бахтин рассматривал хронотоп как тип художественного пространства.

Методологической базой для написания данной статьи послужили монография З. Гаджиевой «Гарабагское ханство: социально-экономические отношения и государственное устройство» (Баку, 2008), статья М. В. Дарчиевой «Типология поселенческого локуса в эпических текстах (на материале осетинского и азербайджанского эпоса)» (*Восточные общества: традиции и современность. Материалы II съезда молодых востоковедов стран СНГ.* Баку, 2007. С. 463 – 473), а также эпос «Кёроглу», летописи «Гарабахнамэ».

Цель статьи – рассмотреть поселенческий архетип «Шуша» как сакральное пространство, раскрыть особенности летописей «Гарабахнамэ» в процессе возникновения и развития.

Изложение основного материала. В соответствии с требованиями того времени, относящегося к строительству военных укреплений, крепость была окружена глубоким ровом и стеной из жженого кирпича.

Весьма полезным в исследовании истории основания города-крепости Шуши является изданный в 80-х годах XIX века сборник «Материалы для изучения экономического быта крестьян Закавказского края».

В исторических летописях Шуша (Панахабад) является фиксатором границы между главным героем Панах-Али-ханом и его противниками. В бинарной оппозиции «свой – чужой» это, безусловно, та часть эпического мира героев, где они действуют свободно и которую время от времени приходится защищать от внешних врагов.

Представление о поселенческом локусе как о центре характерно для древнего и средневекового хронотопов. То же самое наблюдаем и в мировой мифологии, которая сохранила многие черты верований и мифологических представлений. В мифологическом аспекте Шуша (Панахабад) определяет границу между культурным героем, Панах-Али ханом, и его противниками. В бинарной оппозиции «свой – чужой» это, безусловно, та часть мифологического мира героев, где им приходится защищать крепость от внешних врагов. Шуша – это «мир людей», буквально – «срединная усадьба», космическая часть общего, гарабагского пространства. Крепость окружена враждебным людям миром – «то, что расположено за оградой двора», остающаяся хаотичной часть мира. Контраст Шуши (Гарабага) и Ирана отыскивает параллель в противопоставлении двух категорий земель – «в пределах крепости» и «за оградой». Этим контрастом охватывались все основные взаимоотношения населения города-крепости.

Шуша – это не только особое социальное пространство, а некий идеальный мир, где буквально всё является совершенным – природа, климат, люди и мудрый, храбрый правитель.

В исторических летописях о Гарабагском ханстве имеется описание города Шуши. Выбранная Панахали-ханом территория, находившаяся в пределах 1400 метров над уровнем моря, была покрыта лесами, окруженная с одной стороны ущельем, а с другой – отвесными скалами, она являлась естественным укреплением [7, 479].

И здесь, конечно, можно провести параллель с азербайджанским эпосом «Кёроглу». В начале эпоса Алы-киши с сыном (Ровшан) бежит от погони, лишь на третий день находит то самое место, которое должно стать домом для них, а со временем и поселением для единомышленников Кёроглу; особую роль здесь играют природные, ландшафтные условия: «Отец и сын ехали до самого вечера. Наконец в сумерках достигли они берега какой-то реки. Алы-киши спросил у сына, что это за место.

– Отец, – ответил Ровшан, – оно все в зелени, кругом деревья, травы, а посредине протекает река.

– Сын мой, оставаться надолго здесь нельзя. Тут пасутся чьи-то табуны, стада, отары, и не будет нам от них покоя. А если ханы и паши проведуют о нас, то нападут и убьют.

Отец и сын провели эту ночь на берегу реки, а с рассветом снова пустились в путь. Долго ли, коротко ли ехали, вечером добрались до равнины. И тут Алы-киши спросил у сына, что это за место.

– Отец, – ответил Ровшан, – это равнина и конца-краю ей не видно.

– И тут оставаться нельзя. На конях мигом настигнут нас. А то и караваны растопчут.

Проведя на равнине эту ночь, наутро они снова пустились в путь. Ехали, ехали и достигли, наконец, хребта высокой горы. Алы-киши спросил:

– Сын мой, а что это за место?

– Отец, – ответил Ровшан, – тут повсюду отроги да скалы и горный хребет, окутанный туманами.

– Посмотри, сынок, а по обе стороны туманами еще более высоких гор? – спросил Алы-киши.

– Да, отец, есть. Одна – направо, другая – налево, и вершины их в снегу.

– Ровшан, – сказал Алы-киши, – это самое место я и ищу. Я хорошо знаю эти края. В молодости, не раз шалея, я здесь на коне стрелял из лука в джейранов, добыл немало косуль. Называется это место Ченлибель. Тут мы и останемся. Построим себе дом, а коням – конюшню.

Ровшан построил дом и конюшню. Отец и сын стали жить в Ченлибеле» [3, с. 34 – 35].

Что представляет собой процветающее эпическое поселение, ясно из следующего отрывка: «Жизнь теперь в Ченлибеле текла совсем по-особенному. Только приходи и любуйся! Кто строил себе жилье, кто упражнялся в стрельбе из лука, кто джигитовал на коне, кто состязался на скачках. Бывало, что, когда лихие джигиты обнажали мечи, они словно огни вулкана озаряли Ченлибель и светили на все четыре стороны. Иногда случалось, что налетевшие тучи окутывали Ченлибель, и тогда гремел гром, сверкала молния, лил дождь. Поднимался такой вихрь, будто наступил конец света. Но вскоре ветер так же внезапно утихал, дождь переставал лить, туман рассеивался. Снова звенели голоса куропаток, небо прояснялось, становилось чистым, как зеркало. Старуха-бабушка, перекинув свой пояс, украшала небо семью цветами. В Ченлибеле были свои законы и обычаи» [3, 45].

Важнейшие роды занятий жителей поселения описаны в данном отрывке. Интересно, что здесь указано об особом времени, характерном для жизни в Ченлибеле: «Жизнь теперь в Ченлибеле текла совсем по-особенному. Когда наступали часы работы – все работали, в воинский час – упражнялись в воинских занятиях, а когда приходило время забав и развлечений – развлекались, кто как мог. Фальцы несли охрану вокруг горы» [3, 46]. Четко разграничены все временные моменты, и таким образом проявляется в тексте особый хронотоп, упорядочивающий жизнь и выступающий в некотором смысле показателем идеального государства.

Чтобы противостоять сильным врагам, Панахали-хан принял решение о строительстве более прочного укрепления. Гарабагский хан особенно опасался Мухаммедгасан хана Гаджара. Он ожидал, что правитель Гянджи Шахверди хан Зиядоглу, находившийся под влиянием Панахали хана и пытавшийся освободиться от этого, будет подстрекать своего родственника Мухаммедгасан хана выступить с походом на Гарабаг [7, 63].

В 30-х годах XVIII века Надир шах Афшар освободил страну. За неповиновение он наказал род Зиядоглу, отобрав находившиеся в их подчинении земли Газаха и Борчалы и передав под власть Картлийского царя. По этой же причине пострадали также гарабагские союзы племен джаваншир, отузики и кебирли, которых он выселил в Сарахский магал Хорасана. Албанским меликам, проживавшим в нагорной части Гарабага, шах приказал подчиняться не беглярбску Гарабага (Гянджи), а лично ему самому или же его брату Ибрагим хану, которого он назначил правителем Азербайджана.

В 1747-м году после убийства Надир шаха центральная власть в Иране была парализована. Сложились благоприятные условия для обретения независимости окраинными территориями шахства. В это время в Азербайджане сформировалось около 20 независимых и полунезависимых ханств. В этих исторических условиях Панахали бек основал Гарабагское ханство. Джаванширы и другие переселенные племена вернулись в Гарабаг. В качестве административного центра в 1748-м году в магале Кабирли была сооружена крепость Баят. Она была окружена стеной из жженого кирпича и глубоким рвом.

По мнению Бахарлы, строительство города началось с нижней части плато. Это подтверждает и план города Шуши, нарисованный в первой трети XIX века. Из плана видно, что шущинские замки размещались в восточной части плато и были воздвигнуты на холмах или на краю отвесных скал. Эти замки гармонично сливались с природным ландшафтом. Вход в крепость осуществлялся через трое ворот. Они открывались на восходе солнца и закрывались на закате. Крепость Шуша занимала площадь примерно в 3 – 4 вк. версты. Как писал Мирза Джамал, строительство Шушинской крепости было завершено приблизительно в 1756-м году, в том же году жители Шахбулагской крепости, главы некоторых окрестных селений со своими семьями переехали и разместились в новой крепости.

Строительство крепости Баят беспокоило христианских меликов из нагорной части Гарабага и шекинского Гаджи Челеби хана, который стремился подчинить себе Гарабаг. Мечтая о политической независимости, мелики противились действиям Панахали хана. Им удалось уговорить Гаджи Челеби, обладавшего в то время достаточной военной силой, выступить против Панахали хана. Однако Панахали хан смог отбить все удары, и эти сражения показали, что ханству нужна более надежная крепость, чем Баят. Поэтому Панахали хан в 1751-52 гг. построил в Тернекюте крепость, известную под названием «Шахбулаг».

Мирза Джамал Гара-баги пишет, что Панахали хан собрал близких ему людей на совет. Он выразил сомнение, что крепость Шахбулаг сможет выдержать осаду в случае наступления на Гарабаг усиливающегося в Иране Мухаммедгасан хана Гаджара и окрестных ханов, предложил «построить в горах крепкую и непроходимую, несокрушимую крепость», которая могла бы оказать сопротивление сильному врагу. Хан считал, что часть крепости со стороны гор всегда должна быть открыта для населения и связь с магалами не должна теряться [7, 115 – 116].

Создание Гарабагского ханства отличалось от аналогичных процессов, происходивших в других азербайджанских ханствах. Если другие ханства формировались вокруг одного из городов, то для Гарабагского ханства такого центрального города не было. Поэтому важнейшей задачей основателя ханства Панахали хана стало строительство города-крепости, который и должен был стать его центром. Еще одна немаловажная деталь: в отличие от основателей многих ханств, которые происходили из рода потомственных правителей данных территорий, Панахали хан был главой лишь одного племени – Джаваншир. Гарабагское ханство создавалось и укрепилось в условиях борьбы с сепаратистскими устремлениями христианских Меликов.

Строительство крепости – сотворение нового мира. Новая крепость закладывалась как древние и средневековые поселения. Согласно М. Элиаде, сотворение мира и есть прообразом всякого строительства, а каждое новое поселение – это «имитация и в некотором смысле повторение сотворения мира» [5, 346].

После закладки крепости Панахали-хан соорудил вокруг города Шуши прочное ограждение и, укрепив оборонительную систему, начал внутренние строительные работы. Он возвёл для себя дворец, окружённый замковыми стенами. Подобные же дворцы Панахали-хан построил в крепости для своего старшего сына Ибрагимхалил аги, второго сына Мехрали бека и третьего сына Талыбхан бека, чтобы они могли скрыться от врагов в случае приближения тех и крепости [7, 198].

По мнению Бахарлы, строительство города началось с нижней части плато. Это подтверждает и план города Шуши, нарисованный в первой трети XIX века. Из плана видно, что шушинские замки размещались в восточной части плато и были воздвигнуты на холмах или на краю отвесных скал. Эти замки гармонично сливались с природным ландшафтом. Вход в крепость осуществлялся через трое ворот. Они открывались на восходе солнца и закрывались на закате [8, 276].

Шушинские замки размещались в восточной части плато и были воздвигнуты на холмах или на краю отвесных скал. Эти замки гармонично сливались с природным ландшафтом [4, 23]. Все символы и ритуалы, связанные с поселениями или домами, М. Элиаде считал восходящими к первичному опыту священного пространства [6, 27].

«В самом деле, каждый город, каждый дом строили в Центре мира, и поэтому его возведение становится возможным только благодаря выходу из профанного времени и пространства и учреждению сакрального пространства и времени. Дом тоже микрокосм, как город *imagomudi*» [5, 346]. Большой ханский дом (*dövlətxana*) в центре Шуши подчеркивал тем самым его сакральный характер. В центре Шуши была построена мечеть в XIX веке. Дочь Ибрагимхалил-хана Гевхер ага эту мечеть полностью разрушила и на её месте построила новую. В народе её называли «Верхней мечетью» [1, 138].

Исторические хроники из цикла «Гарабагнамэ» повествуют о том, что жителям пришлось укреплять крепость дополнительно, опасаясь новых нападений врагов.

М. Элиаде предполагает, что оборонные сооружения поселений берут свои истоки в магических защитных постройках, к которым он относит и рвы, считая, что они создавались в большей степени для того, чтобы помешать нашествию демонов и душ умерших, нежели для защиты от нападения людей [6, 23].

Строительство Шушинской крепости было завершено приблизительно в 1756-м году, в том же году жители Шахбулагской крепости, главы некоторых окрестных селений со своими семьями переехали и разместились в новой крепости. Другие гарабагцы, прибывшие сюда для поселения, также начали строить для себя жилища. Так как основные обитатели города были мусульманами, они построили в центре мечеть, а также бани, базар и другие строения. Панахали-хан назвал новый город в свою честь Панахабадом [7, 154].

В соответствии с требованиями того времени, относящимся к строительству военных укреплений, крепость была окружена глубоким рвом и стеной из жженого кирпича. Известно, что круг сам по себе обладает защитной, магической функцией, а сооружение рва и есть очерчивание поселенческого локуса, включение его в круг.

Мирза Джамал отмечает, что, когда об этом решении было сообщено мелику Шахназару, тот указал на место нынешней крепости Шуши. Оно находилось в шести верстах от села Шуша и использовалось местным населением для посевов и выпаса скота. Несколько сведущих людей хана исследовали место будущей крепости и окружающую её территорию. Здесь имелось всего 2 – 3 родника с питьевой водой, поэтому была изучена возможность для рытья нескольких колодцев. После этого Панахали-хан сам ознакомился с указанным местом и заложил камень в основание крепости [7, 115 – 116].

Мечеть, построенная на городской площади, в период Ибрагимхалил-хана была реконструирована. В XIX веке его дочь Гевхер ага эту мечеть полностью разрушила и на её месте построила новую. В народе её называли «Верхней мечетью» [1, 138]. После закладки крепости Панахали-хан соорудил вокруг города Шуши прочное ограждение и, укрепив оборонительную систему, начал внутренние строительные работы. Он возвёл для себя дворец, окружённый замковыми стенами. Подобные же дворцы Панахали-хан построил в крепости для своего старшего сына Ибрагимхалил аги, второго сына Мехрали бека и третьего сына Талыбхан бека, чтобы они могли скрыться от врагов в случае приближения тех и крепости [7, 198].

В летописях на поверхности мифологическая составляющая: Панахали-хан находит то самое место, которое должно стать домом для них, а со временем и поселением для населения; особую роль здесь играют природные условия. Шуша изначально существовал как топоним, и лишь со временем становится астионимом – названием поселенческого локуса.

Выводы. Таким образом, Шуша (Панахабад) как поселенческий локус формирует в исторических летописях особое идеальное пространство. Поскольку оно является принадлежностью мифологического сознания народа, его основной характеристикой выступают защищённость и сакральность.

Список использованной литературы

1. Гаджиева З. Гарабагское ханство: социально-экономические отношения и государственное устройство. Баку, 2008.
2. Дарчиева М. В. Типология поселенческого локуса в эпических текстах (на материале осетинского и азербайджанского эпоса). *Восточные общества: традиции и современность. Материалы II съезда молодых востоковедов стран СНГ*. Баку, 2007. С. 463 – 473.
3. Кероглу. Эпос. Баку, 2010.
4. Новосельцев А. П. Города Азербайджана и Армении в XVII и XVIII вв. *История СССР*. 1959. № 1. С. 24 – 46.
5. Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.
6. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.
7. Qarabağramələr. I kitab. Bakı, 1989.
8. Qarabağramələr. II kitab. Bakı, 1991.

References

1. Gadzhieva, Z. (2008). *Garabagh Khanate: socio-economic relations and state structure*. Baku (in Russ.)
2. Darchyeva, M. (2007). Typology of the settlement locus in the epic texts (on the material of Ossetian and Azerbaijani epic). *Oriental societies: traditions and modernity*. Baku, 463 – 473 (in Russ.)
3. *Koroglu, Epic* (2010). Baku (in Russ.)
4. Novoseltsev, A. (1959). Towns of Azerbaijan and Armenia in the 17th and 18th centuries. *History of the USSR, № 1*, 24 – 46 (in Russ.)
5. Eliade, M. (1999). *Essays of the comparative religious studies*. Moscow (in Russ.)
6. Eliade, M. (1994). *Sacred and mundane*. Moscow (in Russ.)
7. *Garabagrams*. (1989). *Book 1*. Baku (in Azerb.)
8. *Garabagrams*. (1991). *Book 2*. Baku (in Azerb.)

ISMAILOVA Matanat Mammad

Institute of Folklore of the National Academy
of Sciences of Azerbaijan
e-mail: sevinc.n@mail.ru

**TRANSFORMATION OF THE SETTLEMENT LOCUS INTO THE SACRAL SPACE
(ON THE MATERIAL OF CHRONICLE «QARABAGNAME»)**

Abstract. Introduction. «Qarabagname» set of chronicles is devoted to the history of the Qarabakh khanate. «Qarabagname» is a valuable source of history of Azerbaijan of 18th – 19th centuries. Chronicles influenced Eastern poetic tradition and interpretation of the epic mindset.

In the epic texts the organization of space and in particular the settlement which the action develops in is very interesting for folklore study. This is explained primarily by the fact the space provides a holistic perception of the image and generates a composition of the epic text.

Purpose is to study settlement archetype «Shusha» as the sacral space, analyze features of chronicles «Qarabagname» in the process of formation and development.

Methods. The analytical, mythological, genetic-contact, cultural and historical methods are applied in the article.

Results. There are 10 Garabagnams which study the political, economic and cultural history of the Karabakh Khanate as one of the oldest in the history of Azerbaijan:

- 1) Mirzə Adıgozal bey «Qarabağnama»;
- 2) Mirza Jamal Javanshir «Garabagh history»;
- 3) Ahmed bey Javanshir «On the Political Situation of the Karabakh Khanate in 1747-1805»;
- 4) «Historical episode» by Mirza Yusif Garabagh;
- 5) Mir Mehdi Khazani «Book-history-Garabagh»;
- 6) Rzaqulu bey Mirza Jamal oglu «The authorities of Panah Khan and Ibrahimkhalil Khan in Karabakh and events of that time»;
- 7) Mirza Rahim Fenah «Historical-Garabagh»;
- 8) Mahammadali bey Gizem, «Moral of the Garabagh»;
- 9) Hasan İhfa Alizade «History of Shusha city»
- 10) Hasanali khan Garadaghi «The quality and prestige of the ancient city of Garabagh».

Originality. In the mythological aspect Shusha (Panahabad) determines frontier between the cultural hero named Panakh-Ali khan and his enemies. In the binary opposition «his – another's» it's certainly that part of heroes' mythological world where they need to protect the fortress from external enemies. Shusha is not only specific social space but some ideal world where everything is perfect (nature, climate, people, wise and brave ruler). The author draws parallel with the Azerbaijani epic «Kyoroglu». Shusha firstly existed as a toponym and only eventually it becomes an astionym namely a title of the settlement locus.

Conclusion. Thus Shusha (Panahabad) as a settlement locus generates a special ideal space in the historical annals. Since it is considered a part of the mythological consciousness of the nation, its main characteristics are security and sacredness.

Key words: chronicle, sacral, chronotope, mythological consciousness, epic settlement archetype, eastern poetics.

Одержано редакцією – 14.03.2018 р.
Прийнято до публікації – 17.04.2018 р.